

Аудио магн.

А. С. "Уникитские веревки"

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка на газеты ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от 8 ноября
1991 г.

№ 1 НОЯ 1986

г. Москва

Театр

«ИСТОРИЯ ЛОШАДИ»

Бывают в жизни художника встречи, которые все определяют в его судьбе, проходят через жизнь как постоянно действующий стимул к творчеству. Таким центральным событием для Марка Розовского стала «История лошади» по рассказу А. Толстого «Холстомер», с которой в качестве режиссера, автора пьесы и автора музыки он соприкоснулся трижды.

Как известно, он был инициатором и принимал деятельное участие в создании спектакля с таким названием в Ленинградском Большом драматическом театре, потом осуществил постановку той же пьесы в Риге (Театр русской драмы), и вот теперь можно посмотреть «Историю лошади» в народном театре - студии у Никитских ворот, руководителем которого Розовский является.

Но сказать, что это всего лишь новая редакция, было бы неточно. Возникло во многом другое прочтение, более глубокое, несмотря на студийный характер работы.

В самом деле третья интерпретация «Холстомера» и похожа и не похожа на предыдущие сценические версии. Сохранились стилистика, основные вехи пространственного решения, ржавый холст и некрашеное дерево оформления, очеловеченный табун, он же хор, музыка (в ее создании участвовал С. Веткин), воздействующая в «зонгах» и мелодией, и точным словом поэта Ю.

Ряшенцева, а в своем задулином звучании мастерски передающая настроенные эпизоды.

Но в этой стилистике разворачивается на крохотной сцене Малого зала Центрального Дома медиков, при котором работает студия, спектакль иной тональности, иного соотношения между толстовским обличительным пафосом и патетикой, которая в конце концов и возобладала в «Холстомере»-3.

История лошади, такая простая, почти тривиальная в своих поворотах и такая в то же время горькая, исполненная в этом ее варианте щемящей боли, пронзает душу, заставляет задуматься о цене человеческой жизни, о том, на что она тратится.

Спектакль начинается с конца, с момента, когда одряхлевший, с дрожащими ногами, изъеденный коростой Холстомер встречается с подругой своей юности, не менее него состарившейся кобылой Вязопурихой (Т. Чукаленок), и эта встреча пробуждает в нем воспоминания. Так проходит перед нами история лошади, она же — история жизни, в которой главенствовали труд, и подвиг служения людям, и долготерпение, и отзывчивость на всякое доброе слово.

А. Степанов в главной роли более всего акцентирует высокую естественность сердечных побуждений Пегого, его никаким колебаниям не подверженную нравственности: что

бы ни случилось, каким ударам ни подвергла бы его немилостивая судьба, он останется в ладу с собой, со своей требовательной совестью.

Всматриваются в жизнь лошади остальные персонажи, в частности, — князь Серпуховской, исполненный исполнителем роли В. Юматовым и режиссером спектакля из числа рядовых героев обозрения и выросший до значения второй фигуры в нем. Рассматривается как бы не одна жизнь, а две; их сопоставление стало осью спектакля.

Князь Серпуховской мог стать личностью, однако, не стал, и сознание своей неосуществленности его терзает. Природой он не был обделен, но расточил то лучшее, что было в нем заложено, прошел мимо истинных ценностей бытия. В кульминационной сцене спектакля этот порядком издержавшийся, облезлый барин с тоской вглядывается в принадлежавшего ему когда-то мерина, столь же некачественного в его нынешнем виде, но сохранившего в отличие от него, Серпуховского, достоинство. А тот не менее пристально вглядывается в своего бывшего хозяина, горестно недоумевая, во что превратился этот некогда блестящий гусар.

Есть там и третий образ, влияющий на общий итог, — рысак Мильный, признанный лидер табуна. С. Щеглов увидел в этом музыкальником, кичащемся своей выправкой, своим тре-

нированным телом коня тип современного прагматика, для которого нет ничего святого: если ему чего-либо захочется, он пойдет напролом. Ни о какой жажде искупления, сменяющей Серпуховского, здесь нет и речи. Тоже повод для размышления, для своего рода «поворота на себя», возникающий у зрителей этого спектакля.

Заметно расширилась в новом «Холстомере» роль табуна — теперь он не только комментатор действия, его функция, можно сказать, философская. Стареют, меняют свой облик герои, а табун остается все тем же — молодым, стремительным, азартным, резвым, полным воодушевления и огня.

Жизнеутверждающее начало, связанное с табуном, умеряет трагическое напряжение финала, в котором горемычного Холстомера не просто умерщвляют, но как бы казнят, распинают, и так он висит на толстых веревках, фронтально к притихшему зрительному залу.

...Спектакль «История лошади» позволяет думать, что театр - студия у Никитских ворот приблизился к профессиональному уровню прежде, чем вступил в законную силу эксперимент, согласно которому этот коллектив в числе четырех других любительских начинаний того же рода станет жить и работать в условиях самооплачиваемости, хозяйственного расчета. Так, наверное, и быть должно: доказать свое право на участие в подобном эксперименте достойнее до того, как он станет реальностью дня.

З. ВЛАДИМИРОВА.